

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПАВРОЗ
Александр Васильевич

**ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ:
НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Санкт-Петербург
2013

Диссертация выполнена на кафедре политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: Сморгунов Леонид Владимирович
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Официальные оппоненты: Ачкасов Валерий Алексеевич
доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Мусяенко Тамара Викторовна
доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова
филиал Российской таможенной академии

Тимофеева Лидия Николаевна
доктор политических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
РФ

Ведущая организация: Санкт-Петербургский филиал федерально-
го государственного автономного образо-
вательного учреждения высшего профес-
сионального образования «Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»

Защита состоится «__» _____ 2013 г. в ____ часов на заседании Совета
Д. 212.232.14 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 191060, Санкт-
Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 7, ауд. ____

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор политических наук, профессор

К. Ф. Завершинский

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема создания наилучшей системы принятия властных решений на основе эффективной организации взаимодействия социальных интересов в политической сфере восходит своими истоками к базовым элементам общественного развития, к тому факту, что расширение социальной дифференциации и усложнение общественной структуры порождает увеличение количества различных интересов в обществе. Подобное положение вызывает необходимость построения восприимчивых к социальным интересам властных институтов, образования таких механизмов социально-политического взаимодействия, которые могли бы обеспечить гармоничное сочетание интересов различных социальных групп и максимально эффективно преобразовывать множество частных интересов в единый общественный интерес в пределах процесса выработки политического курса.

Группы интересов в связи с этим являются одним из центральных, основополагающих субъектов политического процесса. Вместе с тем изучению групп интересов не уделяется должного внимания в политической науке. И в первую очередь это касается исследования того, как группы интересов определяют и видоизменяют ту или иную институциональную среду. Исходя из этого особую актуальность приобретает разработка теории, объясняющей влияние групп интересов на функционирование и трансформацию политических режимов.

Не меньшую актуальность представляет и проверка данной теории на основе изучения отдельных случаев. Пример России в этом контексте вызывает особый интерес, так как демонстрирует оригинальную и многозначную модель взаимодействия групп интересов и органов политической власти.

Актуальность подобного исследования, помимо подтверждения исходных теоретических положений, определяется еще и возможностью получения нового, более адекватного представления о социальных основах, принципах функционирования и закономерностях трансформации политического режима России в конце XX – начале XXI вв.

Степень научной разработанности проблемы. Основополагающий вклад в теорию групп интересов внесли труды классических авторов (Дж. Мэдисон, А. Бентли, Д. Трумэн, Э. Латэм)¹ и работы современных исследователей школы общественного выбора (М. Олсон, Г. Таллок, Г. Беккер)².

Плодотворное развитие групповая проблематика получила в таких теоретических направлениях, как плюрализм (Д. Трумэн, Р. Даль, Ч. Линдблом, Э.

¹ Мэдисон Дж. Федералист № 10 // Федералист. М., 2000. С. 78–86; Bentley A. The Process of Government. A Study of Social Pressures. New Brunswick, 1994; Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. New York, 1951; Latham E. The Group Basis of Politics: Notes for a Theory // The American Political Science Review. 1952. Vol. 46. № 2. P. 376–397.

² Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995; Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск, 1998; Olson M. Power and Prosperity. New York, 2000; Таллок Г. Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства // Вехи экономической мысли. Т. 4. СПб., 2004. С. 435–448; Беккер Г. Группы давления и политическое поведение // Беккер Г. Человеческое поведение. М., 2003. С. 353–380.

Френкель)³, корпоративизм (Ф. Шмиттер, Г. Лембрух, Г. Варда, С. П. Перегудов)⁴, элитизм (Р. Миллс, У. Домхофф, Г. К. Ашин)⁵ и неоконсерватизм (Ф. Хайек)⁶.

Центральное место в раскрытии практической деятельности групп интересов занимают исследования лоббизма (Ф. Баумгартнер, Дж. Бирнбаум, Дж. Бэрри, Д. Декифер, А. Диардорф, Д. Кимболл, Б. Литч, Л. Милбраз, Э. Новнес, М. Ходжнак, Р. Холл, Н. Г. Зяблюк)⁷.

Понимание роли групп интересов в политическом процессе формируют теории неоинституционализма (Р. Коуз, Д. Норт, Б. Вайнгаст, Г. Саймон, Д. Найт, Дж. Уиллис, О. Уильямсон, С. В. Патрушев, П. В. Панов)⁸, модернизации (Т. Парсонс, С. Хантингтон)⁹, демократического транзита (Л. Даймонд, Т. Карозерс, А. Лейпхарт, Х. Линц, Г. О'Доннелл, А. Пшеворский, Д. Растоу, А. Стефан, С. Хантингтон, Д. Шарп, Ф. Шмиттер, А. Ю. Мельвиль)¹⁰, политических систем и режимов (Г. Алмонд, Р. Арон, Д. Истон, Дж. Кэри, Дж. Пауэлл,

³ *Truman D.* The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. New York, 1951; *Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3; *Dahl R.* Who Governs: Democracy and Power in an American City. New Haven, 1961; *Лундблом Ч.* Политика и рынки. М., 2005; *Fraenkel E.* Deutschland und die westlichen Demokratien. Frankf. / М., 1991.

⁴ *Schmitter Ph.* Still the Century of Corporatism? // Trends Toward Corporatist Intermediation. Ed. by Ph. Schmitter, G. Lehmbruch. London, 1979. P. 6–52; *Schmitter Ph.* Reflections of where the Theory of Neo-corporatism has Gone and where the Praxis of Neo-corporatism May be Going // Patterns of Corporatist Policy-making. Ed. by G. Lehmbruch, Ph. Schmitter. London, 1982. P. 259–290; *Lehmbruch G.* Introduction: Neo-corporatism in Comparative Perspective // Patterns of Corporatist Policy-making. Ed. by G. Lehmbruch, Ph. Schmitter. London, 1982. P. 1–28; *Wiarda H.* Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism". New York, 1997; *Перегудов С. П.* Организованные интересы и государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 2. С. 76–87.

⁵ *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959; *Domhoff W.* The Higher Circles. The Governing Class in America. New York, 1970; *Ашин Г. К.* Элитология. М., 2005.

⁶ *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М., 2006.

⁷ *Baumgartner F., Berry J., Hojnacki M., Kimball D., Leech B.* Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why. Chicago, 2009; *Birnbaum J.* The Lobbyists. New York, 1993; *DeKiefer D.* The Citizen's Guide to Lobbying Congress. Chicago, 2007; *Hall R. L., Deardorff A. V.* Lobbying as Legislative Subsidy // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 1. P. 69–84; *Hojnacki M., Kimball D.* Organized Interests and the Decision of Whom to Lobby in Congress // American Political Science Review. Vol. 92. 1998. № 4. P. 775–790; *Milbrath L.* The Washington Lobbyists. Chicago, 1976; *Nownes A.* Total Lobbying: What Lobbyists Want. New York, 2008; *Зяблюк Н. Г.* Лоббизм в политической системе США. М., 1997.

⁸ *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М., 2007; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010; *Норт Д., Уиллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011; *Панов П. В.* Институты. Идентичности. Практики. М., 2011; *Патрушев С. В.* Институционализм в политической науке // Политическая наука. 2001. № 2. С. 146–186; *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб., 1996; *Knight J.* Institutions and Social Conflict. New York, 1992; *North D.* Structure and Change in Economic History. New York, 1981; *Simon H.* Models of Man. New York, 1987.

⁹ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998; *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

¹⁰ *Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. Политическая наука и модернизация: Современные исследования. М., 2003. № 2. С. 42–65; *Лейпхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 135–146; *Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты. М., 1999; *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999; *Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15; *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003; *Шарп Д.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2005; *Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore, 1999; *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996; *O'Donnell G., Schmitter Ph.* Transition from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.

М. Шугарт, Ч. Эндрейн, А. П. Цыганков)¹¹. А так же работы, посвященные теории и практике функционирования отдельных политических режимов: тоталитаризма (З. Бжезинский, К. Фридрих, Ф. Хайек)¹², авторитаризма (С. Хантингтон, Дж. Бровнли, Дж. Маллой, А. Пермуттер)¹³, демократии (Ф. Анкерсмит, Р. Даль, Ч. Тилли, Й. Шумпетер)¹⁴, переходных и гибридных режимов (М. Веррен, Ф. Закария, А. Круассан, В. Меркель, Г. О'Доннелл)¹⁵.

Объяснение особенностей функционирования и трансформации российского политического режима имеет место в рамках множества различных концептуальных подходов. Наиболее значимыми из них представляются теория демократического транзита (В. Я. Гельман, М. Макфол, Л. Ф. Шевцова)¹⁶, историко-культурный (Р. Пайпс, Ю. С. Пивоваров)¹⁷, политико-правовой (А. Н. Медушевский, О. Г. Румянцев, Т. Г. Архипова)¹⁸, политико-социологический (Т. И. Заславская, М. К. Горшков, С. В. Патрушев, В. К. Левашов)¹⁹ и элитистский (О. В. Крыштановская, О. В. Гаман-Голутвина)²⁰ подходы.

Наиболее важными, в контексте интересующей нас темы, следует признать работы посвященные исследованию российского президентализма (В. А. Ачкасов, В. Я. Гельман, В. Б. Кувалдин, Т. Николс, Э. Уокер, С. Холмс, С. Фиш)²¹,

¹¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. М., 2002; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Цыганков А. П. Современные политические режимы. М., 1995; Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000; Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. 1957. Vol. 9. № 3. P. 383–400; Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, 1992.

¹² Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия // Тоталитаризм: Что это такое?: Сб. ст., обзоров, реф., пер. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1993. С. 79–91; Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005.

¹³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004; Brownlee J. Authoritarianism in an Age of Democratization. New York, 2007; Malloy J. Contemporary Authoritarian Regimes // Encyclopedia of Government and Politics / Ed. by M. Hawkesworth, M. Kogan. Vol. 1. New York, 1992. P. 229–246; Permutter A. Modern Authoritarianism: A Comparative Institutional Analysis. New Haven, 1981.

¹⁴ Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992; Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995; Тилли Ч. Демократия. М., 2007; Ankersmit F. Representation Democracy: An Aesthetic Approach to Conflict and Compromise // Common Knowledge. 2002. Vol. 8. № 1. P. 24–46.

¹⁵ Закария Ф. Будущие свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами. М., 2004; Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 6–17; № 2. С. 20–30; O'Donnell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5 № 1. P. 55–69; Warren M. Deliberative Democracy and Authority // American Political Science Review. 1996. Vol. 90. № 1. P. 46–60.

¹⁶ Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; Гельман В. Я. «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России // Политика. 2010. № 2. С. 6–24. Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. М., 1999; Шевцова Л. Ф. Одинокая держава. М., 2010; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, 2002.

¹⁷ Пайпс Р. Россия в борьбе со своим прошлым // Россия на рубеже веков. М., 2011. С. 37–47; Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006.

¹⁸ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М., 1994; Архипова Т. Г. Государственность современной России. М., 2003.

¹⁹ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2003; Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность. М., 2003; Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты институционального порядка. М., 2003; Левашов В. К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 6–20.

²⁰ Крыштановская О. В. Анатолия российской элиты. М., 2005; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.

²¹ Ачкасов В. А. Российский президентализм: проявившиеся институциональные эффекты // Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей. СПб., 2003. С. 102–117; Гельман В. Я. Сильная исполнительная власть: президент и его правительство // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. С. 195–225; Кувалдин В. Б. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая.

анализу и концептуализации практик социально-политического взаимодействия (М. Н. Афанасьев, В. В. Волков, В. А. Гуторов, С. Г. Кордонский, В. А. Найшуль, В. Э. Шляпентох)²², освещению роли групп интересов и лоббизма в отечественной политике (А. С. Автономов, И. Кузес, Н. Ю. Лапина, В. А. Лепехин, А. П. Любимов, Л. Нельсон, А. А. Нецадин, С. П. Перегудов, И. С. Семенов, Г. Скиллинг, П. А. Толстых, Дж. Хаф, Х.-Х. Шредер)²³, изучению в теоретической и практической плоскостях взаимовлияния политических и экономических преобразований (Л. Бальцерович, Е. Т. Гайдар, А. В. Кива, Д. Котц, А. Н. Олейник, А. Ослунд, А. Пшеворский, Р. Скидельски, Дж. Стиглиц, М. Фридман, Дж. Хеллман, А. Хиршман)²⁴, анализу отношений между бизнесом и государством (О. Э. Бессонова, В. В. Вольчик, Я. С. Галухина, М. Голдман, А. Ю. Зудин, В. Г. Ледяев, Я. Ш. Паппэ, С. П. Перегудов, С. Н. Пшизова, К. Н. Сонин, Е. Тиг, Т. Фрай, Ф. Хансон, А. А. Яковлев)²⁵, исследованию взаимодействий между цен-

М., 1998. С. 15–70. *Уокер Э.* Политика вины и президентские полномочия в новой России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. № 1 (6). С. 15–19; *Холмс С.* Суперпрезидентство и его проблемы // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4 (5) / 1994. № 1 (6). С. 22–25; *Fish S.* The Pitfalls of Russian Superpresidentialism // Current History. 1997. Vol. 96. № 612. October. P. 326–330; *Nichols T.* The Russian Presidency: Society and Politics in the Second Russian Republic. New York, 2001.

²² *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм и российская государственность. М., 2000; *Волков В. В.* Силовое предпринимательство. СПб., 2002; *Гуторов В. А.* Политические аспекты генезиса гражданского общества в современной России // Гражданское общество: истоки и современность. СПб., 2000. С. 120–128; *Кордонский С. Г.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000; *Найшуль В. А.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 31–62; *Шляпентох В. Э.* Современная Россия как феодальное общество. М., 2008; *Shiapentokh V.* Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 3. P. 393–411.

²³ *Автономов А. С.* Азбука лоббирования. М., 2004; *Лепехин В. А.* Лоббизм. М., 1995; Лоббизм в России: этапы большого пути. М., 1995; *Любимов А. П.* Лоббизм как конституционно-правовой институт. М., 1998; *Любимов А. П.* История лоббизма в России. М., 2005; *Нельсон Л., Кузес И.* Группы интересов и политический срез российских экономических реформ // Полис. 1995. № 6. С. 81–86; *Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С.* Группы интересов и российское государство. М., 1999; *Перегудов С. П.* Организованные интересы и государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 2. С. 76–87; *Перегудов С. П.* Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное) // Полис. 2010. № 5. С. 111–128; *Семенов И. С.* Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика. М., 2001; *Толстых П. А.* Практика лоббизма в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2006; *Шредер Х.-Х.* Олигархи и чиновники: группы влияния в российской политике // Россия: итоги последнего десятилетия и перспективы развития. Сборник статей. М., 2010. С. 67–95; *Hough J., Fainsod M.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge: Harvard University Press, Mass., 1979; *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics // World Politics. 1966. Vol. 18. № 3. P. 435–451; *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics Revisited // World Politics. 1983. Vol. 36. № 1. P. 1–27.

²⁴ *Бальцерович Л.* Навстречу ограниченному государству. М., 2007; *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. СПб., 1997; *Гайдар Е. Т.* Гибель империи: уроки для современной России. М., 2006; *Кива А. В.* Российские реформы в контексте мирового опыта: вопросы теории и политической практики. М., 2006; *Котц Д.* Государство и экономическая трансформация: российский и китайский опыт перехода к рынку // Альтернативы. 2005. № 2. С. 130–153; *Олейник А. Н.* Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011. *Ослунд А.* Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М., 2003; *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999; *Скидельски Р.* Дорога от рабства. Об экономических и политических последствиях краха коммунизма. М., 1998; *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 4–30; *Фридман М.* Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 16–19; *Хиршман А.* Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012; *Hellman J.* Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. 1998. Vol. 50. № 2. P. 203–234.

²⁵ *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России. М., 2006; *Вольчик В. В.* Эволюция российского института власти-собственности // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 1. С. 154–178; *Голдман М.* Пиратизация России. Новосибирск, 2004; *Зудин А. Ю.* Неокорпоративизм в России (Государство и бизнес при Владимире путине) // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 171–198; *Зудин А. Ю.* Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. 1999. № 1.

тральными органами власти и регионами (А. Н. Аринин, В. Я. Гельман, А. Б. Зубов, О. В. Кузнецова, К. Мацузато, Р. Ортунг, К. Росс, Ст. Солник, Р. Ф. Туровский, М. Хайд)²⁶, а также изучению политико-административных отношений и проблем функционирования российского бюрократического аппарата (М. Н. Афанасьев, А. В. Оболонский, В. Л. Римский, Г. А. Сатаров, Н. Н. Седова, Л. В. Сморгунов, Н. Е. Тихонова, М. А. Чешков)²⁷.

Несомненный интерес представляют и обобщающие работы, в которых производится осмысление как всего процесса трансформации отечественных политических институтов в XX – XXI вв. (Дж. Боффа, Дж. Бреслауер, А. Браун, В. Я. Гельман, Т. Грэм, М. Кивинен, С. Коэн, М. Макфол, А. В. Оболонский, С. П. Перегудов, Р. Г. Пихоя, Я. А. Пляйс, Р. Саква, В. В. Согрин, А. Ю. Сунгуров)²⁸, так и дается всесторонний анализ отдельных его этапов: президентства

С. 45–65; Зудин А. Ю. Россия: бизнес и политика // МЭиМО. 1996. № 3. С. 19–31; № 4. С. 17–27; № 5. С. 17–25; Ледяев В. Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 31–68; Панин Я. Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника 1992–2000. М., 2000; Панин Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М., 2009; Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М., 2003; Пишцова С. Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. 2000. № 2. С. 30–44; № 3. С. 6–17; Сонин К. Н. Бесконечный передел // Россия в глобальной политике. 2003. № 4. С. 22–30; Яковлев А. А., Фрай Т. Реформы в России глазами бизнеса // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 4–5. С. 118–134; Яковлев А. А. Эволюция взаимоотношений между властью и бизнесом и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела «Юкоса» // Региональная элита в современной России. М., 2005. С. 12–36; Frye T. Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 7. P. 1017–1036; Goldman M. Political Graft: The Russian Way // Current History. 2005. Vol. 104. № 684. October. P. 313–318; Hanson Ph., Teague E. Big Business and the State in Russia // Europe-Asia Studies. 2005. Vol. 57. № 5. P. 657–680.

²⁶ Аринин А. Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 6–107; Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы, практики // Полис. 1998. № 1. С. 87–105; Гельман В. Я. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90–109; Зубов А. Б. Унитаризм или федерализм (К вопросу о будущей организации государственного пространства России) // Полис. 2000. № 5. С. 32–54; Кузнецова О. В. Региональная политика в России в постсоветское время: история развития // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 67–77; Ортунг Р. Отношения между Центром и периферией // Pro et Contra. 2010. Т. 3. № 4–5. С. 80–95; Росс К. Федерализм и демократизация в России // Полис. 1999. № 3. С. 16–29; Росс К. Кризис российского федерализма // Политическая наука. 2011. № 4. С. 71–96; Солник Ст. «Торг» между Москвой и субъектами федерации о структуре нового российского государства: 1990–1995 // Полис. 1995. № 6. С. 95–108; Солник Ст. Федерация и регионы России: договорный процесс // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 4 (13) / 1996. № 1 (14). С. 40–46; Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2007; Hyde M. Putin's Federal Reforms and their Implications for Presidential Power in Russia // Europe-studies. 2001. Vol. 53. № 5. P. 719–743; Matsuzato K. Local Elites under Transition: County and City Politics in Russia 1985–1996 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 8. P. 1367–1400.

²⁷ Афанасьев М. Н. Государев двор или гражданская служба (Российское чиновничество на распутье) // Полис. 1995. № 6. С. 68–80; Оболонский А. В. Постсоветское чиновничество: квазибюрократический правящий класс // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 5–15; Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 68–79; Седова Н. Н. Эффективность бюрократии в оценках россиян // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 15–20; Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012; Тихонова Н. Е. Бюрократия: часть общества или его контрагент? // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 4–8; Чешков В. Е. Бюрократический капитализм в России и Третьем мире // МЭиМО. 1996. № 7. С. 5–18; Диагностика российской коррупции: социологический анализ: Краткое резюме доклада. М., 2002.

²⁸ Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса, 1964–1994. М., 1996; Бреслауер Дж. Возможности модернизации посткоммунистического режима // Россия – США: Опыт политического развития. Ростов н/Д, 1993. С. 183–192; Бреслауэр Дж. В защиту советологии // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997. С. 247–294; Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; Грэм Т. Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения. М., 2007; Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2002; Оболонский А. В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002; Перегудов С. П. Политическая система России

Б. Н. Ельцина (Т. Грэм, И. М. Клямкин, М. Макфол, Р. Саква, С. Фиш, Л. Ф. Шевцова)²⁹, президентства В. В. Путина (А. Ю. Зудин, М. Макфол, Т. Николс, Р. Саква, В. Томсон, С. Холмес, Л. Ф. Шевцова)³⁰, новейшего (2008–2012 гг.) периода развития российского государства (А. Ю. Зудин, М. В. Ильин, В. Л. Иноземцев, О. В. Крыштановская, С. П. Перегудов, К. Г. Холодковский)³¹.

В целом, анализ литературы дает основания констатировать, что несмотря на глубокую проработку отдельных вопросов в настоящее время отсутствует систематическая теория влияния групп интересов на функционирование и трансформацию политических режимов. И использование такой теории для исследования политического режима России может дать существенные научные результаты.

в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М., 2011; *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М., 2007; *Пихоя Р. Г.* Эволюция системы власти и управления в СССР и России во второй половине XX века: От Советов и КПСС к Президенту и Думе // Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам. 2005. № 1. С. 12–26; *Пляйс Я. А.* Политология в контексте переходной эпохи России. М., 2009; *Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; *Согрин В. В.* Три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3. С. 3–24; *Сунгуров А. Ю.* Функции политической системы и их изменения в процессе российского транзита. В 3 ч. СПб., 2008; *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, 2002; *Sakwa R.* Russian Politics and Society. London, 2002; *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. New York, 2009; *Cohen S.* Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. New York, 2009.

²⁹ *Клямкин И. М., Шевцова Л. Ф.* Внесистемный режим Бориса II: некоторые особенности политического развития постсоветской России. М., 1999; *Саква Р.* Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 61–82; *Шевцова Л. Ф.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999; *Fish S.* Democracy Begins to Emerge // Current History. 1995. Vol. 94. № 594. October. P. 317–321; *Fish S.* The Pitfalls of Russian Superpresidentialism // Current History. 1997. Vol. 96. № 612. October. P. 326–330; *Graham T.* The Politics of Power in Russia // Current History. 1999. Vol. 98. № 630. October. P. 316–321; *McFaul M.* Democracy Unfolds in Russia // Current History. 1997. Vol. 96. № 612. October. P. 319–325; *McFaul M.* Lessons from Russia's Protracted Transition from Communist Rule // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114. № 1. P. 103–130; *Shevtsova L.* Yeltsin and the Evolution of Electoral Monarchy in Russia // Current History. 2000. Vol. 99. № 639. October. P. 315–320.

³⁰ *Зудин А. Ю.* Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 67–83; *Крыштановская О. В.* Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 158–180; *Саква Р.* Изменение режима от Ельцина к Путину // Политическая наука. 2003. № 2. С. 212–232; *Саква Р.* Путин: выбор России. М., 2005; *Саква Р.* Путин и власть противоречий // Два президентских срока В. В. Путина. М., 2008. С. 10–31; *Шевцова Л. Ф.* От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // Современная Европа. 2000. № 4. С. 20–32; *Шевцова Л. Ф.* Выборное самодержавие при Путине: Перспективы и проблемы эволюции политического режима // Брифинг Московского Центра Карнеги. 2001. Том 3. Выпуск 1; *Шевцова Л. Ф.* Президент Путин оформляет собственный политический режим: что из этого следует // Брифинг Московского Центра Карнеги. 2004. Том 6. Выпуск 1; *Balzer H.* Managed Pluralism: Vladimir Putin's Emerging Regime // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19. № 3. P. 189–227; *Holmes S.* Simulations of Power in Putin's Russia // Current History. 2001. Vol. 100. № 648. October. P. 307–312; *McFaul M.* Putin in Power // Current History. 2000. Vol. 99. № 639. October. P. 307–314; *Nichols T.* Putin's First Two Years: Democracy or Authoritarianism? // Current History. 2002. Vol. 101. № 657. October. P. 307–312; *Tompson W.* Putin's Challenge: The Politics of Structural Reform in Russia // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 6. P. 933–957.

³¹ *Зудин А. Ю.* Распределение источников влияния на принятие властных решений // Ежегодный доклад ИнОП «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года» – Сайт Института общественного проектирования. URL: <http://www.inor.ru/files/Chapter9.pdf> (дата обращения: 17.03.2010); *Зудин А. Ю.* К «сообществу элит»? Трансформация политического режима в России // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 71–86; № 6. С. 63–80; *Ильин М. В.* Консолидированность политической системы: Аналитический доклад // Ежегодный доклад ИнОП «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года» – Сайт Института общественного проектирования. URL: <http://www.inor.ru/files/Chapter5.pdf> (дата обращения: 17.03.2010); *Иноземцев В. Л.* Перспективы развития России в новом политическом цикле // Полис. 2012. № 3. С. 7–18; *Крыштановская О. В.* Форматы российской власти // Полис. 2010. № 1. С. 27–34; *Перегудов С. П.* Политическая система России после выборов 2007 – 2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации // Полис. 2009. № 2. С. 23–38; № 3. С. 145–161; *Холодковский К. Г.* К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2. С. 7–22.

В этой связи **целью** настоящей работы является исследование закономерностей влияния групп интересов на функционирование и трансформацию политических режимов.

Для достижения указанной цели в диссертации были поставлены следующие **задачи**:

- определить зависимость функционирования и трансформации политических режимов от деятельности групп интересов;
- раскрыть фундаментальные социальные основания российского политического режима в аспекте определения особенностей взаимодействия групп интересов в социально-политическом процессе;
- выявить влияние деятельности групп интересов на принципы и механизмы функционирования политического режима в России;
- определить роль групп интересов в динамике трансформации российского политического режима в конце XX – начале XXI вв.;
- выявить обусловленные спецификой социально-политического взаимодействия противоречия современного политического режима и обозначить определенные этими противоречиями перспективы социально-политического развития России.

Объектом исследования являются обусловленные деятельностью групп интересов политические отношения и институты.

Предметом исследования выступает взаимодействие групп интересов как фактор функционирования и трансформации российского политического режима.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу диссертации составляют теории неоинституционализма, групп интересов, общественного выбора, модернизации и демократического транзита. Теория неоинституционализма определила общую проблематику и концептуальные рамки исследования. Фундаментальное влияние на характер диссертационной работы оказали такие положения неоинституционализма как транзакционные издержки, значимость институтов, ограниченная рациональность, институциональная эволюция, оппортунистическое поведение, дистрибутивная природа институтов, тропа зависимости и институциональные ловушки. Теория модернизации задала общее направление исследованию в соответствии с представлением о взаимосвязи общественного развития с социальной дифференциацией, обуславливающей появление новых интересов и порождающей необходимость создания политических институтов, которые бы обеспечивали их согласование. Теория демократического транзита позволила рассмотреть случай России в контексте парадигмы развития третьей волны демократизации, включая факторы, последовательность и соотношение различных аспектов демократических преобразований (в том числе – предпосылок и алгоритмов отхода от демократических реформ). Теория групп интересов дала возможность интерпретировать политический процесс с точки зрения деятельности групп интересов, а теория общественного выбора, рассматривая групповую активность сквозь призму проблематики производства общественных благ и осуществления кол-

лективных действий, добавила в работу элементы политико-экономического анализа – прежде всего, за счет использования концепции соискания ренты. В этой связи в основе диссертационного исследования лежит представление о группах интересов, стремящихся к получению ренты посредством воздействия на политический процесс, поддерживающих и видоизменяющих тем самым отдельные институты и политический режим, в целом.

Хронология работы. Исследование охватывает временной период с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

Научная новизна исследования состоит в разработке теории влияния групп интересов на функционирование и трансформацию политических режимов и апробации этой теории на примере исследования политического режима России.

В ходе работы были получены следующие, содержащие научную новизну, результаты:

- установлены принципы и механизмы воздействия групп интересов на функционирование политических режимов;

- раскрыты тенденции влияния групп интересов на трансформацию политических режимов;

- выявлена обусловленная групповой динамикой проблематика трансформации политического режима в рамках модернизационной парадигмы развития российского общества;

- раскрыты общие свойства и основные этапы трансформации политического режима России в аспекте видоизменения моделей социально-политического взаимодействия;

- установлены алгоритмы формирования государственной политики в рамках отдельных этапов трансформации российского политического режима в качестве определенных схем взаимодействия групп интересов и институтов публичной власти;

- выявлены связанные с рентоориентированной деятельностью ведущих групп интересов противоречия политического режима России и определены возможные пути их преодоления.

Положения, выносимые на защиту:

1. Групповой подход является очень ценным эвристическим инструментом для изучения политических процессов. Характер функционирования политических режимов в значительной степени определяется параметрами деятельности групп интересов. Важнейшее место в этой связи занимают такие показатели как модель социально-политического взаимодействия, свобода группового политического участия и способность групп интересов использовать государство для извлечения ренты.

2. Группы интересов оказывают решающее влияние на трансформацию политических режимов. Случайно возникшая или искусственно созданная концентрация ренты ведет к элитизации и авторитаризации политических режимов. Такие режимы накапливают внутренние противоречия, порождают нестабильность и движутся по олсинианской парадигме общественного развития.

Широкое рассредоточение и минимизация ренты, напротив, способствует эгалитаризации и демократизации политических режимов. И в том и в другом случае политические и социально-экономические факторы взаимно подкрепляют друг друга. Исходя из этого центральной проблемой современной теории групп следует признать создание такой модели социально-политического устройства, при которой направленные на реализацию своих интересов индивидуальные и коллективные действия будут не препятствовать, а способствовать прогрессивному политическому развитию и увеличению благосостояния общества.

3. Общая проблематика трансформации политического режима России с точки зрения групповой теории обусловлена фундаментальными процессами социальной модернизации российского общества. Переход от традиционного к современному типу общества, расширяя социальную дифференциацию, усложнил общественную структуру и породил множество новых социальных интересов. В связи с этим возникла проблема создания политического режима, способного обеспечить гармоничное взаимодействие различных социальных групп и максимально эффективно преобразовывать множество частных интересов в единый общественный интерес в рамках процесса формирования политического курса. Данная проблема, имея глубокие исторические корни, остается актуальной в России до настоящего времени.

4. Политический режим в России 1992–1993 гг., несмотря на ликвидацию тоталитарных политико-экономических структур, функционировал в соответствии с логикой советской редиистрибутивной системы. В условиях слабого развития демократических, рыночных и независимых общественных институтов государство оставалось центральным субъектом социально-экономического процесса, а бюрократические группы интересов продолжали оказывать доминирующее политическое влияние, будучи наиболее организованной силой в обществе. Стратегия действий указанных групп, представлявших собой отдельные части старого советского политико-административного и хозяйственного аппарата, заключалась во вращении в новую политико-административную структуру российского государства с целью занятия приоритетных позиций в системе перераспределения ресурсов. Однако при отсутствии явно определенного центра принятия решений по линиям институциональных расколов политико-административной системы стали формироваться фронтальные коалиции противоборствующих бюрократических групп интересов, конфликтное взаимодействие которых явилось главной детерминантой политического процесса. Антагонистичность противостояния этих коалиций определялась редиистрибутивной природой имевшихся противоречий, в рамках которых вопросы конституционного закрепления прав и полномочий напрямую определяли место тех или иных политико-бюрократических групп в новой общегосударственной системе перераспределения ресурсов. Бескомпромиссный, всеохватывающий характер данного конфликта и отсутствие легальных механизмов его преодоления привели к тотальному кризису российского политического режима, выходом из которого стали авторитарные действия Б. Н. Ельцина, утвердившего при помо-

щи силового ресурса конституционные основы суперпрезидентского политического режима.

5. Политический режим России 1994–1999 гг., несмотря на наличие суперпрезидентской конституционно-правовой базы, отличался не столько господствующим положением главы государства в политическом процессе и наличием действенной властно-управленческой вертикали, сколько предельным ослаблением всех государственных институтов (включая институт президентства) и гипертрофированным влиянием ведущих олигархическо-бюрократических структур на процессы выработки и реализации политического курса. Подобное положение объяснялось неспособностью Б. Н. Ельцина к эффективному осуществлению президентских полномочий и низким, обусловленным переходом от авторитарной к демократической модели правления функциональным потенциалом политико-административных институтов управления, позволившим сильным группам интересов навязать политическому руководству страны аналог старой советской модели редистрибутивных отношений.

6. Воссоздание редистрибутивной системы на основе новых демократических и рыночных институтов было связано с особенностями российских экономических реформ, которые не размыли советскую систему административных рынков, но, благодаря своему по преимуществу номенклатурному характеру, определили модель взаимоотношений государства и вновь возникшего бизнеса на принципах бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, и перманентной конверсией власти в собственность и собственности во власть. В результате экономическая олигархия, сконцентрировавшая в своих руках весомую долю национального богатства, и бюрократические группы интересов, «приватизировавшие» значительный административный ресурс, получили доминирующее влияние на принятие важнейших политических решений.

7. Выработка решений в рамках российского политического режима 1994–1999 гг. детерминировалась равнодействующей давления наиболее сильных экономических и бюрократических групп интересов. Подобный ограниченный плюрализм превращал данный режим в картельную систему социально-политического взаимодействия с фактической монополизацией влияния указанных групп интересов на центры политической власти, посредством выстраивания «эксклюзивных» отношений с государственными институтами и оттеснения прочих, непривилегированных групп интересов от процессов формирования политического курса. Сложившаяся модель социально-политического взаимодействия предопределила недемократический (сверхпредставленность приближенных административно-экономических групп интересов) и нерыночный (наличие необоснованных привилегии, получаемых благодаря «особым» отношениям с органами государственной власти) характер общественного устройства в современной России.

8. Реформы В. В. Путина привели к становлению в России авторитарной модели суперпрезидентализма, основанной на корпоративистской системе социально-политического взаимодействия, с включением на принципах иерархи-

ческого соподчинение ведущих олигархических и бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль, возглавляемую главой государства. В условиях сокращения политического плюрализма и существенного расширения директивных полномочий президента процессы выработки политических решений оказались локализованными внутри ближайшего окружения главы государства с ситуационным привлечением к обсуждению профильных вопросов представителей ограниченного числа встроенных во властные механизмы, привилегированных групп интересов. Однако несмотря на изменения процессуальной составляющей формирования политического курса, его сущностные основы затронуты не были. Имевшие место реформы, частично усилив позиции президента и автономию государства, скорректировав баланс сил административно-экономических группировок, переведя отношения с ними с плюралистической на корпоративистскую модель, не изменили того положения, что ведущие группы интересов являются главными контрагентами государства в процессах определения политики и не затронули центральных алгоритмов взаимодействия государства и групп интересов, базирующихся на реди-стрибутивной системе социально-политических отношений.

9. Фундаментальная нестабильность современного политического режима в России обусловлена объективной неспособностью власти обеспечить разрешение коренных модернизационных проблем развития страны (безопасность, экономическая стагнация, аномия, дезорганизация социальной жизни и пр.). Сущность вопроса заключается в том, что преодоление указанных проблем требует качественного повышения эффективности государственного управления, достичь которого принципиально невозможно при политическом режиме, характеризующимся доминированием рентоориентированных групп интересов и предельным ослаблением публичных институтов. Подобные свойства политического режима предопределяют олсонианскую парадигму развития российского общества с дальнейшим разрастанием перераспределительных коалиций и, как следствие – деэволюцией социального порядка, уменьшением общественного благосостояния и увеличением политических противоречий. Данная социальная динамика естественным образом будет содействовать не разрешению, а усугублению отмеченных модернизационных проблем, приводя к неизбежному кризису политического режима, в рамках которого окажется все труднее с уменьшением ресурсной базы сопрягать прогрессирующим образом усиливающиеся противоречия по линиям социально-институциональных расколов господствующей реди-стрибутивной системы социально-политических отношений.

10. Преодоление олсонианской парадигмы общественного развития возможно только с отказом от реди-стрибутивной модели социально-политических отношений и утверждением сильного в неолиберальном понимании государства, способного противостоять перераспределительному давлению партикулярных групп интересов и поддерживать единые для всех «правила игры», максимизируя эффективность процессов выработки и реализации политического курса. Стратегия подобных реформ является достаточно очевидной, однако их реализация требует жесткой политической воли, подкрепленной соответствующим властно-

управленческим аппаратом. В условиях России главным препятствием в проведении указанных преобразований выступает действующий политический режим, представляющий собой по сути институционализированный конгломерат групп интересов, поддерживающий благодаря структурам государственной власти и редистрибутивной модели отношений свое социально-политическое господство.

Теоретическая значимость диссертации состоит в расширении представлений о закономерностях воздействия групп интересов на функционирование и трансформацию политических режимов и новой концептуализации проблематики режимных изменений и общественно-политических отношений в России.

Практическое значение диссертации заключается в том, что положения и выводы данного исследования могут быть востребованы в качестве теоретико-методологической базы при разработке мер, направленных на оптимизацию процессов выработки государственной политики и построение более эффективной модели общественно-политического устройства в России.

Материалы исследования могут использоваться в научной и учебной работе, в частности, при преподавании таких дисциплин как «Политология», «Политическое управление», «Политические отношения и политический процесс в России», при создании спецкурсов и спецсеминаров.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов работы определяется использованием признанных научных методов исследования и опорой на значительную эмпирическую базу, включающую в себя: нормативно-правовые акты органов государственной власти; материалы социологических исследований; статистические данные; выступления, книги и интервью политических и общественных деятелей.

Основные научные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 57 публикациях автора общим объемом более 70 п. л., включая две монографии и 18 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, состоящих в перечне ВАК МО РФ.

Отдельные положения диссертации излагались автором на конференциях, семинарах и иных научных мероприятиях: Герценовском междисциплинарном методологическом семинаре исследований управления (2013); Всероссийской научной конференции «Парламентаризм в России на современном этапе политического развития» (2012); Научно-практической конференции «Лоббизм и GR: эффективные коммуникации бизнеса и власти» (2012); IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» (2012); Всероссийской научной конференции с международным участием «Модернизация России и Китая» (2011); Международная конференции «GR-конгресс 2011: эффективный диалог бизнеса и власти» (2011); Научно-практической конференции «Лоббизм в России сегодня: правовые основы и политическая практика» (2011); Всероссийской научной конференции с международным участием «Политические институты в современном мире» (2010); Международной научной конференции «Модернизация экономики: проблемы и перспективы» (2010); Международной научной конференции «Политическая

культура как ресурс и барьер инновационного развития» (2009); Всероссийской научной конференции «Политическое образование в современном мире: традиции и перспективы» (2009); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе» (2008); Научно-практической конференции «Третьи Ковалевские чтения» (2008); Всероссийском теоретическом семинаре «Политико-административные отношения: Концепты, практика и качество управления» (2008); Всероссийской конференции «Электронное правительство в информационном обществе» (2007); Международной научно-практической конференции «Реформирование общественного сектора: новое качество управления» (2007); Научной конференции «Россия в мировом политическом процессе» (2005); Научно-практической конференции «Экономика и общество. Проблема социальной справедливости» (2005); Всероссийской научной конференции «Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: выборы, голосование, репрезентативность» (2005) и пр.

Структура работы. Цель и основные задачи определили структуру и объем исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность анализируемой проблемы, освещается степень ее научной разработанности, определяются цель, задачи и теоретико-методологическая база исследования.

В **первой главе «Теория групп интересов: вопросы функционирования и трансформации политических режимов»** рассматриваются возможности применения теории групп интересов для анализа процессов формирования властных решений и видоизменения параметров политических режимов.

В **первом параграфе первой главы «Базовые положения теории групп интересов»** разбираются исходные принципы группового подхода к исследованию политического процесса.

Автор отмечает, что в основе теории групп интересов лежит представление о том, что интересы выступают главной движущей силой социальных действий, а объединенные общими интересами индивиды – группы интересов – являются реальными акторами политического процесса. Социальное развитие общества, связанное с разделением труда и функциональной дифференциацией, порождает множество конкурирующих и конфликтующих между собой интересов. Центральной проблемой теории групп в этой связи является создание такой системы правления, которая могла бы предельно эффективно интегрировать данные интересы в рамках социально-политического процесса с целью максимизации благосостояния всего общества.

Впервые подобным образом проблематика групповой политики была сформулирована Дж. Мэдисоном в 10-м «Федералисте» (1787), который не только указал на важную роль групп интересов в качестве субъекта политического процесса, но и обосновал естественность их существования, поставив вопрос о том, как органически вписать деятельность групп в демократическую систему правления посредством изменения политических институтов.

Систематическое обоснование теории групп интересов получила в работах А. Бентли «Процесс государственного управления: изучение общественных давлений» (1908) и Д. Трумэна «Процесс государственного управления. Политические интересы и общественное мнение» (1951), исходивших из представления об обществе как множестве взаимодействующих групп, число которых ограничивается имеющимися социальными интересами. Деятельность групп в этой связи уподобляется динамическому процессу, в ходе которого осуществляется давление олицетворяемых ими общественных сил на политико-административные институты. В результате политический процесс включает в себя столкновение, борьбу, урегулирование конфликтов и достижение равновесия между соперничающими интересами.

Таким образом, автор констатирует, что групповая теория исходит из того, что общество есть совокупность групп интересов, а политика представляет собой процесс и результат взаимодействия групп интересов в ходе формирования властно-управленческих решений.

Во втором параграфе первой главы «Трехфакторный анализ функционирования политических режимов с точки зрения параметров деятельности групп интересов» предлагается основанная на теории групп интересов методология исследования и классификации политических режимов.

Разбирая классические и современные подходы к определению и изучению политических режимов автор подчеркивает целесообразность их дополнения разработками теории групп интересов, интерпретируя политический режим как форму взаимодействия групп интересов в процессах выработки и реализации государственной политики. Исходя из этого выделяются три ключевых фактора анализа и классификации политических режимов.

Первый фактор связан с разграничением моделей социально-политического взаимодействия и выделением на их основе двух типов режимов: плюралистического и корпоративистского. Плюралистический режим предполагает наличие неограниченного множества свободно возникающих, не зависящих от государства и не организованных иерархически групп интересов, в то время как корпоративистский режим подразумевает наличие ограниченного количества регламентированных, функционально упорядоченных, связанных с государством, организованных иерархически групп интересов. И если в плюралистическом режиме множество конкурирующих между собой групп интересов влияют на формирование политического курса, то в корпоративистском режиме лишь ограниченное число неконкурирующих, иерархически организованных и находящихся под контролем государства групп реально участвуют в процессах выработки и реализации государственной политики.

Второй фактор обусловлен свободой группового участия, поскольку и плюрализм и корпоративизм имеют как демократическое, так и авторитарное воплощение. И если демократические режимы ограничений группового участия практически не имеют и политика данных режимов в целом отражает картину сложившихся в обществе интересов, то авторитарные режимы предусматривают множественные механизмы подавления политического участия, отличаясь диспропорциональным представительством интересов в политической системе.

Третий фактор определяет способность групп интересов использовать государство в качестве инструмента для извлечения ренты. В этой связи автор, вслед за Д. Лалом и Х. Минтом, выделяет автономные и фракционные политические режимы. Автономные режимы не зависимы от групп интересов, минимизируют свое вмешательство в жизнь общества и обеспечивают равенство всех перед законом. Фракционные режимы обслуживают те или иные общественные группы, активно занимаясь перераспределением социальных благ.

Таким образом, автор пришел к трехмерной типологии политических режимов. Данная типология, основывающаяся на совмещении описанных выше режимных размежеваний, включает в себя три критерия: модель взаимодействия групп интересов, свободу группового политического участия и зависимость государства от групп интересов. В результате был получен набор из восьми режимов, с различными сочетаниями вышеприведенных свойств, демонстрирующий возможные варианты соединения разнородных параметров групповой политической активности.

В третьем параграфе первой главы «Теория общественного выбора: групповая динамика и анализ политических режимов в контексте перераспределительной политики» интерпретируется влияние групп интересов на функционирование и трансформацию политических режимов сквозь призму современного политико-экономического анализа.

Автор отмечает, что новую парадигму в исследование групп интересов привнесла теория общественного выбора. Ключевыми работами данного направления являются книги М. Олсона: «Логика коллективных действия» (1965) и «Возвышение и упадок народов» (1982). М. Олсон, определив зависимость, согласно которой мотивация действовать в групповых интересах уменьшается с увеличением размера группы, доказал ориентацию подавляющего большинства групп интересов на борьбу за перераспределение ресурсов и обосновал неспособность достижения эффективных решений в результате всесторонних межгрупповых переговоров, продемонстрировав негативное влияние группового взаимодействия на экономическое и политическое развитие.

Опираясь на теорию М. Олсона и концепцию соискания ренты (Г. Таллок и др.), которая подводит базу микроэкономического анализа под деятельность групп интересов, разъясняя мотивацию, механизмы и последствия получения политически обусловленной прибыли, автор пришел к необходимости аналитического разделения двух видов политико-экономических систем: рыночных и редистрибутивных.

В рыночных системах распределение ресурсов происходит в результате их свободного обмена частными агентами по истинной, то есть определяемой соотношением спроса и предложения, стоимости. В таких системах преследование индивидами собственной выгоды способствует реализации интересов всего общества. Следствием подобного положения становится предельно оптимальное распределение ресурсов, когда невозможно улучшить чье-либо благосостояние путем трансформации товаров и услуг в процессе производства или обмена без ущерба для благосостояния какого-либо другого индивида.

В редистрибутивных системах обмен ресурсами осуществляется при активном посредничестве государства, перераспределяющего социальные блага и обеспечивающего рентой те или иные общественные группы (посредством регулирования, субсидий и пр.). В таких системах преследование индивидами собственной выгоды не способствует реализации интересов всего социума. Следствием подобного положения выступают далекое от оптимальности распределение ресурсов и масштабные потери общественного благосостояния.

Обобщая идеи М. Олсона, Г. Таллока, Г. Беккера и других ученых политико-экономического направления, автор формулирует общий вывод о том, что случайно возникшая или искусственно созданная концентрация ренты ведет к элитизации и авторитаризации политических режимов. Такие режимы накапливают внутренние противоречия, порождают нестабильность и движутся по олсинианской парадигме общественно-политического развития. Широкое рассредоточение и минимизация ренты, напротив, способствует эгалитаризации и демократизации политических режимов. И в том и в другом случае политические и социально-экономические факторы взаимно подкрепляют друг друга. Исходя из этого центральной проблемой современной теории групп признается создание такой модели социально-политического устройства, при которой направленные на реализацию своих интересов индивидуальные и коллективные действия будут не препятствовать, а способствовать прогрессивному политическому развитию и увеличению благосостояния общества.

Особую актуальность данная проблематика имеет для претерпевающих социально-экономические трансформации государств. основополагающей работой по этой проблематике является статья Дж. Хеллмана «Победители получают все. Политика частичных реформ в посткоммунистических странах» (1998), в которой утверждается, что в краткосрочном периоде издержки от реформ распределяются по всему обществу, а выгоды концентрируются в руках узкой группы лиц, давление которых становится главным тормозом экономических преобразований. Их стратегическая позиция заключается в попытках застопорить экономику в положении частичной реформы, фиксируя приносящие ренту экономические деформации и возлагая высокие издержки на остальную часть общества. Дж. Хеллман приходит к выводу о том, что важнейшим условием эффективности рыночных реформ выступает способность правительства противостоять влиянию нацеленных на соискание ренты выигравших от реформ субъектов и ключом к достижению данного результата является не столько авторитарная модель реформирования, сколько расширение политического

участия и конкуренции, размывающих рентные доходы и препятствующих удержанию экономики в состоянии равновесия частичных реформ.

Констатируя высокий эвристический потенциал концепции Дж. Хеллмана, автор вместе с тем отмечает, что ее положения сориентированы лишь на анализ ранних этапов экономической стороны преобразований и предпринимает интерпретацию данных идей в рамках более широкого контекста трансформационной проблематики.

Прежде всего, обозначенная концепция рассматривает феномен ренты в контексте двойных посткоммунистических переходов, совмещающих транзиты от командной экономики к рынку и от диктатуры к демократии. Но и преобразование обычных авторитарных режимов, как правило, предполагает определенную структурную перестройку экономики, так как большинство из них имеет фракционный характер и основывается на переплетении экономической и политической власти. Крах подобных авторитарных режимов означает и ликвидацию специфической модели «капитализма для своих», с отменой прежних льгот, особых прав, субсидий, монополий и пр., что, в свою очередь, порождает транзиторную ренту, бенефициариями которой практически всегда становятся представляющие новую политическую власть элиты.

Далее концепция Дж. Хеллмана концентрирует внимание на деструктивной с точки зрения минимизации социальных издержек деятельности предпринимателей-инсайдеров, направленной на затягивание рыночных реформ с целью максимально продолжительного сохранения приносящих ренту структурных деформаций экономики. Данная деятельность имеет место и оказывает важное влияние на трансформационные процессы. Однако сущность проблемы состоит в стремлении групп бенефициариев конвертировать транзиторную ренту в ренту постоянную. Дело в том, что транзиторная рента, вне зависимости от стратегий групповых взаимодействий, объективно в течение непродолжительного промежутка времени рассеивается. Однако в указанный короткий период рента создает группам бенефициариев значительное ресурсное преобладание, которые могут использовать его для долговременного закрепления своего социально-политического господства в новых политико-правовых институтах.

Таким образом, автор приходит к формулировке универсальной проблемы всех демократических переходов, которая состоит в стремлении бенефициариев реформ закрепить свое социально-политическое господство посредством деформации зарождающихся рыночных и демократических институтов. Именно данным фактором в подавляющем большинстве случаев можно объяснить имевшие место в рамках третьей волны демократизации откаты к авторитарным формам правления, а также консолидацию различных полудемократических режимов. Исходя из этого, есть основания утверждать, что ключевую опасность демократизации представляют не действия реваншистских сил, а коалиции «победителей» против остального общества.

В этой связи по-новому раскрывается хорошо известная дихотомия между демократией и управлением. В заданных условиях достижение эффективности государственного управления не представляет собой чисто технической про-

блемы, но обусловлено подавлением и подчинением влиятельных групп интересов, принуждением данных групп к соблюдению универсальных правил. Дело в том, что по мере распада авторитарных механизмов происходит разложение и государственных институтов. Высвободившиеся из-под жесткого авторитарного контроля бюрократические и олигархические группы начинают активно использовать силу принудительной власти государства для реализации своих частных интересов. Подобный «захват государства» часто идет параллельно с процессами демократизации и избранные правительства зачастую встают перед фактической необходимостью создания нового государственного аппарата. При этом существует большая опасность того, что указанные привилегированные группы интересов, вышедшие из под надзора авторитарного режима, но не поставленные под эффективный контроль демократических институтов, смогут отодвинуть от власти идейных сторонников реформ, навязав обществу в явном или скрытом виде свое социально-политическое господство.

В результате автор приходит к выводу, что успешность демократических преобразований, прежде всего в аспекте консолидации демократического режима, в решающей степени зависит от способностей новой власти построить эффективную систему государственного управления, важнейшей предпосылкой создания которой, в свою очередь, является действенное ограничение политического влияния бюрократических и олигархических групп интересов. Исходя из этого неоконсервативная концепция сильного государства, подразумевающая высокую степень автономии государства от гражданского общества, предельное сокращение сферы его деятельности, препятствующее перераспределительной политике в пользу определенных групп, представляется актуальной не только для реформирования экономически развитых стран, но и для осуществления социально-политических транзитов и построения новых демократий.

Во второй главе **«Группы интересов в процессах становления и функционирования российского политического режима 90-х гг. XX века»** выявляется роль групп интересов в институциональном строительстве и механизмах осуществления власти в 1991–1999 гг. в России.

В первом параграфе второй главы **«Институциональные конфликты групповых интересов и формирование конституционных основ суперпрезидентского политического режима в России»** анализируется противоборство структурных коалиций групп интересов в ходе определения нового конституционного устройства в 1991–1993 гг.

В начале главы автор подчеркивает, что социально-политический процесс в России начала 90-х годов несмотря на провозглашение и конституционно-правовое закрепление принципов демократии и основ рыночной экономики все еще подчинялся правилам старой советской редиистрибутивной политико-экономической системы. В условиях крайне слабого уровня развития независимых общественных и экономических структур, бюрократические группы интересов продолжали оказывать доминирующее влияние на социально-политические процессы, оставаясь, по существу, единственной организованной силой в обществе. Возможности влияния данных групп даже возросли, так как

прежние авторитарные механизмы контроля их деятельности были утрачены, а новые демократические институты государственного и общественного управления только начинали создаваться. В этой связи формирование политики в России в начале 90-х гг. обуславливалось не столько идеологическими или социально-классовыми противоречиями, сколько противоречиями внутри политико-административной системы. Вокруг сложившихся в данной системе институциональных расколов начали формироваться коалиции групп интересов, конфликт между которыми за власть и влияние выступил в качестве основного детерминирующего фактора развития политического процесса.

Первый, наиболее значимый в качестве детерминанты российской политики институциональный раскол между президентскими и советскими политико-административными структурами появился вследствие взаимного наложения хронологически разделенных этапов конституционных реформ, в результате чего в России 1991–1993 гг. возникла политическая система, совмещавшая в себе черты парламентской и президентской форм правления. Установление указанной конституционно-правовой модели двоевластия и взаимного пересечения полномочий, дополненное характерной для перераспределительной системы традицией властноцентристской ориентации основных социально-политических институтов и групп, привело к возникновению двух параллельных и взаимоисключающих властно-управленческих иерархий, образованных на основе советских и президентских политико-административных структур.

Второй, детерминирующий российский политический процесс институциональный раскол между Центром и регионами был обусловлен исторически сложившейся моделью федеративных отношений, которые определялись не некими общими принципами, но статусом конкретного территориального образования: чем выше был статус, тем более привилегированное положение занимала территория в общегосударственном процессе перераспределения ресурсов. В ситуации, когда союзные руководящие структуры утратили силу, а властно-управленческий аппарат новой России все еще находился в стадии становления и характеризовался низкой способностью к выполнению государственных функций, политико-административный потенциал региональных институциональных групп интересов значительно возрос. Цель указанных групп заключалась в получении приоритетных позиций в формировавшейся на основе российских политико-административных структур новой перераспределительной системе, а стратегия ее достижения сводилась к борьбе за более высокий политико-правовой статус контролируемых данными группами территорий.

Выделенные типы конфликтов, хотя и были вызваны разноплановыми институциональными расколами, накладывались друг на друга, давая кумулятивный эффект. Так, с одной стороны, противостояние президентских и советских структур стимулировало разрастание противоречий по линии «Центр – регионы», поскольку слабость и неоднородность общегосударственного правительства поощряла регионы всеми силами бороться за присвоение себе максимального количества прав и привилегий. С другой стороны, неопределенность и конфликтность федеративных отношений служили причиной того, что и прези-

дент, и парламент пытались посредством раздачи льгот и полномочий привлечь на свою сторону региональные бюрократические группы, расширяя и углубляя тем самым противоречия по линии институционального раскола между структурами исполнительной и законодательной власти. В результате все значимые акторы политики были втянуты в конфликтное взаимодействие по поводу распределения властно-управленческих полномочий с прогрессирующим нарастанием антагонистических противоречий. Подобная динамика развития общественно-политических отношений привела к тотальному кризису российского политического режима, проявившемуся в практически полном параличе процессов выработки и реализации государственной политики.

Указанный кризис был преодолен авторитарными действиями президента Б. Н. Ельцина, который при помощи силового ресурса осуществил «навязанный переход» к новой модели политического режима. Данный режим был закреплён в Конституции 1993 г., установившей, благодаря комбинации американских и французских элементов политического устройства, современную российскую суперпрезидентскую систему правления.

В заключение параграфа автор отмечает, что учреждение суперпрезидентализма в России не было исторической случайностью, но представляло собой закономерный сценарий развития социально-политической ситуации. Создание института сильной президентской власти рассматривалось как наиболее приемлемый вариант наведения порядка в условиях краха однопартийного политического режима с конца 80-х гг. и вплоть до его фактического конституционного утверждения. И такое развитие событий может интерпретироваться как закономерный итог трансформации в поставторитарных дезорганизованных обществах с сильными институциональными группами интересов.

Во втором параграфе второй главы «Картеалистическая модель суперпрезидентализма» рассматриваются предпосылки и порядок функционирования российского политического режима в 1994–1999 гг. с точки зрения анализа отношений групп интересов с органами государственной власти.

В начале параграфа автор подчеркивает, что российский политический режим 1994–1999 гг., несмотря на наличие суперпрезидентской конституционно-правовой базы, отличался не столько господствующим положением главы государства в политическом процессе и наличием действенной властно-управленческой вертикали, сколько предельным ослаблением всех государственных институтов (включая институт президентства) и гипертрофированным влиянием ведущих олигархическо-бюрократических структур на процессы выработки и реализации политического курса.

Данное положение объясняется как субъективными факторами, связанными с неспособностью Б. Н. Ельцина к эффективному осуществлению полномочий, так и объективными обстоятельствами – низким функциональным потенциалом государственных институтов. Совокупность отмеченных причин позволила сильным группам интересов навязать политическому руководству страны аналог старой советской модели редистрибутивных отношений.

Уже в 1994 г. под давлением региональных бюрократических групп Б. Н. Ельцин пошел на подписание двухсторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, содержание которых существенно противоречило как базовым принципам Конституции, так и ее отдельным положениям, связанным с разделением сфер компетенции между федеральной и региональной властью. При этом специфика договорного процесса, согласно которой Центр был вынужден вести торг с субъектами федерации по отдельности, привела к формированию крайне асимметричной системы, где самые большие права и привилегии получили территории, обладавшие наибольшим потенциалом политического и экономического давления (прежде всего – Татарстан, Башкирия и Якутия).

Новые правила отношений поощряли субъекты федерации к решению любых проблем посредством жесткого лоббирования своих интересов перед общероссийским правительством. Утверждение подобной модели федерализма, характеризующейся перманентным и со временем разрастающимся переговорным процессом, обеспечило воспроизводство, и даже в какой-то степени легализацию, редистрибутивной системы, предоставив региональным политико-бюрократическим группам эффективные механизмы влияния на процессы выработки и реализации общегосударственной политики.

Помимо региональных групп доминирующее влияние на российскую политику 90-х гг. оказывали экономические группы интересов. Их появление связано с особенностями проведения рыночных реформ, которые, включая в себя стандартный для экономического транзита набор компонентов (либерализация, стабилизация, приватизация) и имея целью построение открытого капитализма, не смогли тем не менее полностью размыть советскую систему административных рынков и, благодаря номенклатурному характеру, определили правила взаимодействия государства и вновь возникшего бизнеса в соответствии с принципами редистрибутивной системы, подразумевающими неразделенность экономической и политической власти.

Подобное развитие событий привело к тому, что в России произошло воссоздание редистрибутивной экономической системы, с распределением ресурсов не столько на основе рыночного обмена, сколько в рамках административного торга, где группа ведущих бизнес-структур смогла, в силу контроля над большим объемом финансово-промышленных активов, осуществлять эффективное воздействие на органы власти и закрепить за собой привилегированное экономическое и политическое положение, способствуя трансформации зарождающейся рыночной экономики в модель олигархического капитализма.

Таким образом, к середине 90-х гг. в условиях суперпрезидентского режима, на фоне ослабления государства и низкого уровня развития институтов гражданского общества сформировалась специфическая система ограниченного плюрализма, в рамках которой доминирующим влиянием на процессы принятия политических решений стали обладать привилегированные административно-экономические группы интересов, связанные с экономической олигархией, сконцентрировавшей в своих руках колоссальные экономические ресурсы, и

наиболее организованными частями бюрократического аппарата, контролирующими значительный административный ресурс. Данный тип системы ограниченного плюрализма может, по мнению автора, быть назван картельной системой социально-политического взаимодействия, так как в его основе лежит, по существу, картельный принцип отношений привилегированных групп интересов с правительством, подразумевавший монополизацию влияния данных групп, посредством выстраивания «эксклюзивных» отношений с государственными институтами и оттеснения прочих, непривилегированных групп интересов от процессов выработки и принятия политических решений.

Определяющим моментом для формирования картельной системы стали президентские выборы 1996 г., в ходе которых был реализован не силовой, а электоральный вариант самовоспроизводства режима. Указанный сценарий, требуя применения относительно свободных выборных процедур, предполагал также создание таких механизмов, которые обеспечили бы снижение неопределенности результатов голосования за счет употребления манипуляционных технологий, подкупа избирателей, фальсификации результатов выборов и пр. Иными словами, использование выборов должно было быть эффективным с точки зрения власти, то есть выборы, с одной стороны, не следовало сводить к пустой формальности, дав определенный подъем легитимности правительства, а, с другой стороны, электоральный процесс должен был стать предсказуемым, обеспечив преемственность существовавшего режима.

В результате применение данной стратегии Б. Н. Ельцин был переизбран на второй срок. Однако предпосылкой этого успеха стало переосмысление отношений с ведущими экономико-административными группами. Привлечь медийные и финансовые ресурсы можно было лишь на основе выгодного обмена с экономической олигархией, которая в связи с этим значительно усилила свой политический потенциал, окончательно утратив статус «клиента власти» и став ее полноправным и очень ценным партнером. Аналогичная трансформация произошла и в отношениях с региональными группами: управляемая демократия немыслима без применения административного ресурса на местах, однако после перехода от назначения к избранию глав регионов получить подобную поддержку было возможно лишь в рамках торга, где правильное применение административного ресурса обменивалось на льготы и послабления для местных бюрократических кланов. В том же ключе изменились отношения и с силовыми структурами, лояльность которых гарантировала отсутствие эксцессов в функционировании «управляемой демократии».

Таким образом, президентская власть в значительной степени утратила свою автономию и государственная политика стала формироваться в результате привилегированного взаимодействия основных политических институтов и ведущих административно-экономических групп интересов. Данные группы, построенные на основе контроля над важнейшими административными, финансовыми, медийными и прочими ресурсами, удерживая доминирующее положение в системе социально-политического взаимодействия, получили приоритетный доступ к механизмам политического управления и определяющее влияние на

формирование политического курса. Вследствие этого политико-административные решения были не прерогативой одного лица или одной группы (как в авторитарном режиме) и не результатом широкого общественного консенсуса (как в плюралистической демократии), а представляли собой равнодействующую влияний в системе конкурентного и/или партнерского взаимодействия наиболее значимых административно-экономических групп интересов. Подобное положение предопределило трансформацию отечественного суперпрезидентализма в недемократическую (сверхпредставленность привилегированных административно-экономических групп интересов и фактическое игнорирование интересов других групп, манипулирование демократическими процедурами) и нерыночную (монопольные, необоснованные привилегии, получаемые благодаря «особым» отношениям с органами государственной власти) систему общественно-политического устройства.

В третьей главе «Трансформация и редистрибутивные противоречия политического режима России начала XXI века» рассматриваются видоизменения российского политического режима в 2000–2012 гг. и свойственные ему, обусловленные спецификой взаимодействия государства и групп интересов системные проблемы.

В первом параграфе третьей главы «Формирование и принципы функционирования корпоративистского суперпрезидентализма» анализируется влияние преобразований 2000-х годов на организацию и механизмы деятельности российского политического режима в контексте трансформации модели отношений между государством и группами интересов.

Обращаясь к анализу выделенных вопросов автор отмечает, что утверждение в президентской должности В. В. Путина – обладавшего общественной поддержкой и способного к исполнению полномочий – сделало возможным и в какой-то степени даже предопределило трансформацию российского политического режима в классическую суперпрезиденталистскую модель правления.

Фундаментом для построения суперпрезидентализма стала установка о «наведении порядка в органах власти» и «укреплении государства». Реализация данной программы подразумевала отказ от ельцинского типа лидерства, где президент признавался в качестве центра принятия решений лишь благодаря своеобразной роли арбитра в перманентном конфликте властных группировок, и принятие новой модели руководства, исходившей из иерархического подчинения главных политико-административных и социально-экономических институтов президентской власти.

Краеугольным камнем путинского суперпрезидентского режима была не только монополизация прерогатив принятия важнейших политико-административных решений, но и выстраивание новой модели социально-политического взаимодействия, подразумевавшей создание всеохватывающей властно-управленческой вертикали, с ограничением влияния и включением в данную вертикаль ведущих административно-экономических групп интересов, повышением эффективности работы и подотчетности бюрократического аппа-

рата, организацией действенных механизмов мобилизационного участия населения и разработкой идеологических обоснований нового режима.

Подробно анализируя проведенные реформы автор приходит к выводу, что В. В. Путину удалось актуализировать суперпрезидентскую модель правления, существенно расширив власть главы государства, в том числе за счет подавление демократических институтов, что позволяет говорить об авторитарном перерождении российского политического режима. При этом в исследовании констатируется, что действия по ревизии ельцинского режима и построению единой властно-управленческой вертикали в фундаментальном плане имели ограниченные последствия. Данные мероприятия, частично усилив позиции президента и автономию государства, скорректировав баланс сил среди ведущих административно-экономических группировок, переведя отношения с ними с плюралистической на корпоративистскую основу, не изменили, тем не менее, базовых алгоритмов взаимодействия центральной власти и наиболее влиятельных групп интересов, основанных на принципах административного торга и редибутивной системы социальных отношений.

Реформа федеративных отношений, укрепив позиции центральной власти и ослабив положение региональных политико-бюрократических кланов, не смогла, тем не менее, устранить перераспределительный характер российского федерализма. Настойчиво декларируемая Центром политика правовой унификации отношений с субъектами никогда в полной мере не была реализована, в то время как большинство проблем преодолевалось путем индивидуальных договоренностей в соответствии с алгоритмами административного торга.

Аналогичная ситуация сложилась и в результате утверждения новой модели взаимодействия власти и бизнеса. Значительное укрепление позиций правительства по отношению к предпринимательскому сообществу, включение экономико-олигархических структур на корпоративистских основах во властно управленческую вертикаль не привело, тем не менее, к установлению единых универсальных норм взаимодействия государства и бизнеса. Изначально масштабная антиолигархическая кампания первых лет президентства, несмотря на жесткие заявления главы государства о ликвидации олигархов «как класса», имела избирательный характер и была направлена скорее против отдельных наиболее политизированных, амбициозных и неблагонадежных олигархов, нежели против олигархов как социальной корпорации, в силу чего необходимо говорить не о коренной трансформации характера взаимодействия крупного бизнеса и государства, а о простой смене приближенных олигархов. Новая модель отношений государства и бизнеса не подразумевала утверждения общих принципов взаимодействия и строгого разграничения политической и экономической власти: создание ассоциативных механизмов представительства интересов не исключало индивидуальных контактов с отдельными предпринимателями, примат «диктатуры закона» не ограничивал возможности избирательного применения правовых норм, а тезис о «равноудалении олигархов» не препятствовал существованию особо привилегированных групп предпринимателей.

Касаясь ревизии политико-административных отношений автор отмечает, что расширение управляемости бюрократическим аппаратом, повышение степени его подотчетности политическому руководству было достигнуто не столько благодаря административному реформированию, связанному с созданием универсальных правил должностного поведения и рационализацией работы административных органов власти, сколько вследствие назначения на ключевые должности в бюрократических структурах лично преданных людей. При этом осуществление самой административной реформы имело непоследовательный и проблематичный характер. Несмотря на расширение политического контроля над бюрократией, подчинение и включение основных аппаратных группировок в единую властно-управленческую вертикаль, личностноориентированные механизмы управления бюрократическим аппаратом не привели и не могли привести к значительному повышению социальной эффективности его деятельности, решению проблемы системной коррупции и устранению специфических структурных конфликтов как внутри бюрократического аппарата, так и по линии противостояния «политическое руководство – бюрократия – общество».

Неоднозначные результаты с точки зрения укрепления политико-административного потенциала режима имели и реформы, не связанные с необходимостью преодоления сопротивления каких-либо организованных групп интересов. Включение лояльных гражданских ассоциаций в президентскую властно-управленческую вертикаль, до некоторой степени расширив базу сторонников режима, не дало, тем не менее, существенного эффекта, так как в силу слабости и малой представительности данных организаций их использование в качестве «приводных ремней» и эффективных посредников между властью и обществом практически не представлялось возможным. Установление тотального контроля над основными средствами массовой информации, повысив популярность режима, вызвало также увеличение недоверия граждан к «официальным сообщениям» и ухудшило информированность самих представителей власти. Имитация плюрализма путем создания псевдооппозиционных партий, расширив господство Кремля в публичном пространстве, создала предпосылки для радикализации оппозиции и принятия ею тактики прямых действий. Установление практически полного контроля над выборами, хотя и дало нужные электоральные результаты, но значительно снизило уровень легитимности режима, сократив мотивацию граждан к конвенциональным формам политического участия. Разработка идеологического обоснования режима – концепции суверенной демократии – не оказала существенного мобилизационного воздействия ни на элиты, ни на массы.

Подводя итог преобразованиям 2000–2008 гг. автор указывает, что данные реформы, не изменив фундаментальные редистрибутивные принципы политико-административного устройства, способствовали утверждению вместо картеалистического более жесткого корпоративистского варианта суперпрезидентализма. Имевшие место реформы сконцентрировали огромный объем власти в руках президента и обеспечили включение ведущих групп интересов на корпоративистских началах в существующую систему правления в качестве полити-

ко-административных и социальных агентов государства. В результате произошло видоизменение модели формирования государственной политики, в соответствии с которой, в условиях полномочия президента, выработка политических решений стала осуществляться в рамках «ближнего круга» наиболее влиятельных государственных сановников, с привлечением к данному процессу представителей ограниченного числа привилегированных групп интересов, встроенных на корпоративистских основах во властно-управленческую вертикаль, возглавляемую главой государства.

Оценивая последующие события автор отмечает, что краткое и, в целом, фиктивное президентство Д. А. Медведева, несмотря на громкие заявления и некоторые потенциально важные действия (борьба с коррупцией, реформы судебной и правоохранительной системы), не оказало влияние на характер политического режима. В то время как возвращение на пост президента В. В. Путина в 2012 г., в свете увеличения президентского срока, фактической узурпации полномочий правительства, расширения контроля над выборами и подавления оппозиции, значительно усиливает исходные, сформировавшиеся в 2000–2008 гг., авторитарные, корпоративистские и суперпрезиденталистские черты российского политического режима.

В заключение параграфа автор делает вывод о том, что, трансформация российского политического режима, модифицировав процессуальную составляющую формирования политического курса, не затронула ее сущностных оснований, связанных с системой административного торга и редистрибутивной моделью социальных отношений. В силу этого новый режим, до некоторой степени повысив эффективность политического управления, воспроизвел тем не менее базовые недостатки предыдущей системы правления: в политическом плане это сверхпредставленность отдельных групп, препятствующая формированию сбалансированной государственной политики и развитию демократических политических институтов; в экономическом плане – обеспечение необоснованных привилегий наиболее влиятельным бюрократическо-олигархическим структурам, подрывающее основы рыночной конкуренции и замедляющее темпы экономического развития.

Во втором параграфе третьей главы «Редистрибутивные противоречия политического режима России» анализируются обусловленные перераспределительной активностью групп интересов антагонизмы социально-политической организации российского общества.

Отмечая нестабильность политического режима России, автор объясняет ее неспособностью власти обеспечить решения фундаментальных проблем общественно-политического развития страны. Устранение данных, имеющих модернизационную природу проблем (общественная безопасность, экономическая стагнация, повышенная конфликтогенность, аномия, дезорганизация социальной жизни и пр.) детерминировано не только и не столько формой правления, сколько достижением определенного качества управления – наличием автономного, универсального государства, способного установить и поддерживать социальный порядок. Однако имевшие место режимные трансформации не

смогли заметно повлиять на устойчиво низкий уровень эффективности российской системы политико-административного управления. Указанное положение касается и нынешнего политического режима, неэффективность которого препятствует решению базовых модернизационных проблем развития страны. Более того, с течением времени острота данных проблем будет увеличиваться, а возможности системы поддерживать статус-кво – сокращаться. Неизбежным следствием этого станет кризис режима, который выразится прежде всего в разрастании принципиально неразрешимых противоречий по линиям социально-институциональных расколов господствующей редистрибутивной системы социально-политических отношений.

Касаясь в этой связи развития российского федерализма автор утверждает, что укрепление центральной власти не привело к преодолению патологий государственного устройства. Несмотря на всеобъемлющее умиротворение и подчинение территориальных элит, региональная политика Центра до сих пор отличается серьезной дифференциацией: от постановки на ведущие посты в субъектах федерации своих прямых представителей до полной инкорпорации сформировавшихся в 90-е гг. клановых авторитарных региональных режимов в президентскую властно-управленческую вертикаль. В общем виде такая политика сводится к тому, что сильные региональные группировки (вне зависимости от их истории и реальных позиций по принципиальным вопросам) остаются неприкосновенными и политически влиятельными, в то время как слабые – подвергаются разгрому и замещаются техническими руководителями из Москвы. Издержки подобного подхода к выстраиванию федеративных отношений очевидны: редистрибутивная модель постоянно воспроизводит ситуацию борьбы – торга между Центром и субъектами федерации, в рамках которой необходимость учета интересов сильных региональных кланов даже при удачном раскладе сил вынуждает принимать решения, которые нередко в корне противоречат главным векторам политики федеральной власти.

Схожие по своей природе противоречия автор отмечает и в отношениях между государством и бизнесом. Усиление политико-административного потенциала правительства, подавление и подчинение олигархических структур не привело к искоренению рентоориентированного поведения и эффективному разграничению политической и экономической сфер жизни общества. Напротив, в некоторых аспектах положение в указанном вопросе даже ухудшилось. Власть стала все более активно вмешиваться в экономическую деятельность. Принужденные к сотрудничеству, поставленные перед необходимостью субсидировать различные правительственные начинания крупные бизнес-структуры пошли по пути сращивания с государством, превращаясь, по существу, в «уполномоченные» компании. Казалось бы, дополнительное обременение должно сокращать конкурентоспособность указанных бизнес-структур на рынке. Однако в сложившихся реалиях, при широком государственном управлении экономикой статус уполномоченных компаний несет не только и не столько издержки, сколько дает многочисленные рентные преимущества в форме ускоренного и гарантированного получения всевозможных разрешений, лицензий,

эсклюзивных прав и пр. В результате можно констатировать, что в России в отношениях между государством и бизнесом сложилась порочная система обменов, в рамках которой фирмы, уполномоченные государством, включенные в систему обменов, оказываются в несравненно более выигрышном положении, чем не включенные в систему обменов свободные агенты рынка.

В этих условиях роль дружественных отношений с правительством в качестве фактора успешной экономической деятельности многократно возросла. Соответственно, увеличилась и конкуренция бизнес структур за привилегированные отношения с государством, выражающаяся в приумножении как расходов на лоббирование (в том числе и теневое – коррупцию), так и отчислений на инициированные властью социальные программы. Таким образом, сложилась классическая ситуация: все больше ресурсов отвлекается от производственной деятельности и направляется в борьбу за приобретение ренты, уменьшая производительный потенциал общества, прогрессирующее же расширение санкционированных государством рентных бенефиций, сокращая рыночную конкуренцию, делает экономику еще менее эффективной.

Следующей проблемной точкой современного российского политического режима является, по мнению автора, редистрибутивный характер отношений между верховной властью и бюрократическим аппаратом, который постепенно превратился из инструмента для реализации правительственной политики в самостоятельного субъекта социальных отношений, конгломерат институциональных групп интересов, приватизировавших отдельные структуры и функции системы государственного управления. Данное перерождение сделало извлечение ренты главной целью бюрократии, преобразовав коррупцию из девиантного в системное и всеохватывающее явление, противопоставив административный аппарат как политическому руководству страны, так и всему обществу.

Указанные факторы толкают правительство к широкомасштабной и всеохватывающей административной реформе. Однако проблемы проведения подобной реформы состоят отнюдь не в технических сложностях или отсутствии ресурсов, а в том, что профессиональная бюрократия, эффективно исполняя приписанные ей функции, в силу специфики своей организации служит безличному государственному порядку, а не конкретной группе лиц. В связи с чем политическое руководство теряет возможность использования чиновничества для достижения собственных узкогрупповых интересов: подавления оппозиции, обеспечения «нужных» результатов выборов, подчинения бизнеса и т. д. Исходя из этого более актуальным для правящей элиты является не построение профессионального управленческого аппарата, а корпоративистское включение различных бюрократических групп в единую властно-управленческую вертикаль на основе редистрибутивной модели отношений, подразумевающей обмен права изымать ренту на лично ориентированную лояльность бюрократии.

Рассмотрев характер и динамику основных социально-институциональных расколов российского общества, автор констатирует, что декларируемая стабильность и превозносимые достижения власти не имеют практически ничего общего с действительностью. В реальности на фоне неспособности государства к осуще-

ствлению своих базовых функций происходит латентное разрастание социально-политических противоречий, а правящему режиму становится все труднее воспроизводить свое господство.

Подобное течение событий объясняется спецификой российского политического режима, связанной со слабостью государственных институтов и доминирующим политическим влиянием рентоориентированных привилегированных групп интересов, предопределяющей олсоновскую парадигму развитие общества. В результате динамика российских режимных трансформаций носит ярко выраженный циклический характер: на первом этапе возникает определенная конфигурация государственной власти, на втором этапе вокруг этой конфигурации формируется система перераспределительных коалиций, на третьем этапе происходит разрастание данных коалиций, порождающее прогрессивное увеличение общественно-политических противоречий, наконец, на четвертом этапе ресурсная база режима истощается, противоречия приобретают неразрешимый характер, сложившаяся конфигурация власти рушится, после чего на обломках старой системы правления создается новый политический режим и цикл повторяется вновь.

Сущность проблемы заключается в том, что сочетание слабых государственных институтов и сильных групп интересов неизменно приводит к тому что партикулярные интересы начинают манипулировать государством, направляя его потенциал на решение своих частных вопросов и увеличение своего благосостояния за счет извлечения ренты. Подобное положение, не в последнюю очередь обусловленное стремлением представителей власти расширить социальную базу режима за счет сотрудничества с отдельными группами интересов, препятствует нормальному экономическому развитию, порождает разнообразные социально-институциональные расколы и вносит неразрешимые противоречия в деятельность государственных институтов. В данном случае государство выступает как конгломерат интересов, а не как совокупность безличных правил и учреждений, политический же режим представляет собой не средство принятия необходимых всем коллективных решений, но инструмент обеспечения выгод и преференций одним за счет других. Таким образом, привилегированные интересы кристаллизуются вокруг государственных институтов меняют характер их функционирования, генерируют множественные социально-политические конфликты, истощают ресурсную базу и ведут к краху сложившейся системы правления.

Исходя из этого автор делает вывод о том, что обозначенные редистрибутивные противоречия неизменно будут углубляться, а возможности власти сопрягать данные противоречия внутри стандартного процесса выработки политического курса и неформальных согласований, демонстрируя отсутствие проблем и общественное благополучие, – сокращаться. Соответственно, со временем указанные конфликты интересов выйдут в публичное пространство, трансформировавшись в прямую антагонистическую борьбу, подрывающую основы существующей системы правления, следствием чего станет системный кризис режима, выражающийся в полном параличе государственной власти.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило исходную теорию автора. Случай России показал, что группы интересов оказывают решающее влияние на функционирование и трансформацию политических режимов. Тот же пример демонстрирует, что произвольно возникшая или искусственно созданная концентрация ренты ведет к элитизации и авторитаризации политических режимов и то, что такие режимы накапливают внутренние противоречия, порождают нестабильность и движутся по олсинианской парадигме общественного развития.

Полуавторитарный политический режим 90-х годов, утвердив модель взаимоотношений государства и бизнеса на принципах бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, и перманентной конверсией власти в собственность и собственности во власть, закрепил концентрированную ренту за олигархическими и бюрократическими группами интересов, которые в результате сосредоточили в своих руках весомую долю национального богатства и значительный административный ресурс. Подобное развитие событий, в силу логики групповых давлений и эффекта «тропы зависимости», стало причиной последующей фиксации указанной концентрированной ренты в более жестких политико-правовых формах авторно-корпоративистского суперпрезидентализма 2000-х годов, с включением на основе иерархического соподчинения ведущих олигархических и бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль, возглавляемую главой государства.

Выход из системного кризиса российского политического режима возможен лишь посредством разрушения старого и создания нового режима с отказом от обязательств по отношению к доминирующему конгломерату групп интересов. Однако в долгосрочной перспективе с точки зрения развития российского общества сущность вопроса состоит не в простой и в заданных условиях естественной, хотя и предполагающей определенный уровень потрясений, смене одного режима на другой, а в преодолении обусловленной доминированием групп интересов негативной динамики российских режимных трансформаций.

Подобное достижимо только при условии отказа от редистрибутивной модели социально-политических отношений и построении сильного в неолиберальном смысле государства, способного выражать и претворять в жизнь интересы общества в целом, устанавливать и поддерживать единые для всех «правила игры», проводить независимую политику и препятствовать перераспределительному давлению партикулярных групп интересов. Такое государство подразумевает: 1) равную, открытую и честную конкуренцию различных групп интересов в политическом процессе; 2) универсальность властных решений; и 3) минимизацию правительственного регулирования экономики. Указанные ограничения, ликвидируя диспропорциональность представительства интересов, препятствуя превращению политического процесса в перманентную войну по выбиванию различных преференций и стимулируя производство нового продукта, а не борьбу за перераспределение доходов, создают рациональную процессуальную

модель формирования государственной политики, максимизирующую эффективность политико-административных решений и обеспечивающую действенное функционирование бюрократического аппарата.

Утверждение подобного государства, обладающего высоким уровнем управленческой компетенции, является, по мысли автора, важным элементом модернизационной трансформации общества и может не только установить надежный социальный порядок, гарантируя господство права и эффективность институтов рыночной экономики, но и обеспечить прочные основы для постепенного развития российской демократии.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. *Павроз А. В.* Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 360 с. (21,16 п. л.).
2. *Павроз А. В.* Теория политического плюрализма: сущность, противоречия, альтернативы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 178 с. (10,46 п. л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

3. *Павроз А. В.* Бюрократия в транзитных обществах // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. 2012. № 6. Шифр Информрегистра: 0421200093/0473. Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-6-2012/politics/pavroz.pdf> (0,3 п. л.).
4. *Павроз А. В.* Взаимодействие бизнеса и государства в России: редиистрибутивная модель // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2009. № 4. С. 72–77 (0,59 п. л.).
5. *Павроз А. В.* Государство всеобщего благосостояния: сущность политики и фундаментальные противоречия // Политика и общество. 2011. № 11. С. 21–29. (0,65 п. л.).
6. *Павроз А. В.* Группы интересов в процессах общественно-политических трансформаций // Политика и общество. 2012. № 6. С. 23–27. (0,41 п. л.).
7. *Павроз А. В.* Законодательное утверждение лоббизма в России в контексте глобальной конкуренции юрисдикций // Государственная служба. 2011. № 3 (71). С. 15–17. (0,34 п. л.).
8. *Павроз А. В.* Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 50–62. (0,75 п. л.).

9. Павроз А. В. Манипулирование и подкуп как стратегии взаимодействия власти и общества в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Выпуск 3. Ч. 1. С. 54–61. (0,76 п. л.).
10. Павроз А. В. Менеджмент качества как парадигма реформирования государственного управления // Социум и власть. 2011. № 4. С. 92–96. (0,54 п. л.).
11. Павроз А. В. Неоконсервативная концепция сильного государства как новая модель социально-политического взаимодействия // Политика и общество. 2010. № 3. С. 21–27. (0,6 п. л.).
12. Павроз А. В. Плюрализм и критерии современной демократии // Право и политика. 2010. № 3 (123). С. 518–523. (0,6 п. л.).
13. Павроз А. В. Приватизация в контексте современных административных реформ // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2010. № 4. С. 23–32. (0,56 п. л.).
14. Павроз А. В. Российский суперпрезидентализм: процессы становления и роль в преодолении трансформационного кризиса конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. // Право и политика. 2009. № 2 (110). С. 389–397. (1,07 п. л.).
15. Павроз А. В. Соискание ренты как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 2. С. 84–94. (0,72 п. л.).
16. Павроз А. В. Социологический анализ бюрократии и фундаментальные противоречия современных административных реформ в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Выпуск 2. С. 98–104. (0,55 п. л.).
17. Павроз А. В. Сущность и противоречия российской модели взаимодействия бизнеса и государства // Труд и социальные отношения. 2010. № 5. С. 32–36. (0,4 п. л.).
18. Павроз А. В. Теория политического плюрализма и процесс формирования государственной политики // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2012. № 2. С. 130–137. (0,47 п. л.).
19. Павроз А. В. Теория политического плюрализма как основа правового регулирования лоббистской деятельности // Право и политика. 2009. № 7 (115). С. 1386–1393. (0,85 п. л.).
20. Павроз А. В. Электронное правительство и современные административные реформы // Политическая наука. 2008. № 2. С. 173–191. (0,95 п. л.).

Прочие публикации

21. Павроз А. В. Government Relations: актуальные вопросы взаимодействия бизнеса и государства в России // Актуальные проблемы экономики и новые технологии преподавания (Смирновские чтения): Материалы VIII международной научно-практической конференции (11–13 марта 2009 г., Санкт-Петербург). Т. 3. СПб.: Изд-во МБИ, 2009. С. 57–58. (0,1 п. л.).

22. Павроз А. В. GR и теория взаимодействия групп интересов и политики // GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие / Под ред. Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 29–48. (1,25 п. л.).
23. Павроз А. В. GR как институт социально-политического взаимодействия // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза: Альманах. Вып. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 238–252. (0,98 п. л.).
24. Павроз А. В. GR как элемент социального управления // Интеграция. Коммуникация. Управление: Сборник статей молодых ученых. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 159–166. (0,52 п. л.).
25. Павроз А. В. GR: принципы и механизмы эффективного взаимодействия с институтами государственной власти // Формирование системы цивилизованного лоббизма в России: GR и проблемы эффективности взаимодействия общества и власти. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2006. С. 34–51. (0,9 п. л.).
26. Павроз А. В. GR-менеджмент как вид профессиональной деятельности // Менеджмент XXI века: стратегии, технологии, человеческие ресурсы: сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2009 г. СПб.: ООО «Книжный дом», 2009. С. 214–216. (0,28 п. л.).
27. Павроз А. В. Бизнес и государство в России: фундаментальные проблемы взаимодействия и стратегии их преодоления // Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия: материалы «круглого стола». Москва. РАГС. 14 апреля 2009 года; под ред. П. А. Толстых. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 12–22. (0,66 п. л.).
28. Павроз А. В. Бюрократия: экономический анализ деятельности и логика современных административных реформ // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2009. Том 5. № 1. С. 37–55. (1,09 п. л.).
29. Павроз А. В. Государственная экономическая политика: справедливость versus эффективность или справедливость как основа эффективности // Экономика и общество: проблема социальной справедливости. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2005. С. 97–98. (0,12 п. л.).
30. Павроз А. В. Группы интересов и лоббизм в политике: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 186 с. (10,93 п. л.).
31. Павроз А. В. Группы интересов и политический процесс в современной России // Россия в мировом политическом процессе: Материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 18 февраля 2005 г. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2005. С. 140–144. (0,27 п. л.).
32. Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в советской и постсоветской России // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2006. Том 2. № 3. С. 89–106. (1,4 п. л.).
33. Павроз А. В. Институт лоббизма: история и современность // Материалы VII Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 января 2010 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. С. 133–136. (0,2 п. л.).

34. Павроз А. В. Использование ваучеров в государственном управлении: мировой опыт и перспективы для современной России // Общество потребления и современные проблемы сферы услуг / Материалы Международной научно-практической конференции – вторых Санкт-Петербургских социологических чтений 15–16 апреля 2010 года / Отв. редакторы А. О. Бороноев, Р. А. Костин. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2010. С. 189–190. (0,1 п. л.).
35. Павроз А. В. Коррупция в контексте политико-административных отношений в современной России // Политико-административные отношения: Концепты, практика и качество управления. Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 211–223. (0,8 п. л.).
36. Павроз А. В. Коррупция в контексте проблем национальной безопасности России // Многополярный мир и безопасность: равенство, лидерство, гегемония: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Т. 1, Санкт-Петербург, 27–28 мая 2010 г. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2010. С. 222–227. (0,35 п. л.).
37. Павроз А. В. Левая социально-экономическая политика и государство благосостояния в Западной Европе и США: история и современность // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 180–193. (0,78 п. л.).
38. Павроз А. В. Лоббизм: современные тенденции и функциональная роль в процессах формирования государственной политики // Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, 2012. С.454–455. – 1 CD ROM. (0,1 п. л.).
39. Павроз А. В. Манипулирование в контексте взаимодействия власти и общества в современной России // Третьи Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 12–13 ноября 2008 года / Отв. редактор Ю. В. Асочаков. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. С. 223–225. (0,13 п. л.).
40. Павроз А. В. Менеджмент качества в государственном управлении // Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 157–167. (0,8 п. л.).
41. Павроз А. В. Менеджмент качества и современные административные реформы // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). № 2 (4). СПб., 2007. С. 27–35. (0,96 п. л.).
42. Павроз А. В. Партия власти в России: история и современность // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). № 2 (4). СПб., 2007. С. 63–65. (0,24 п. л.).
43. Павроз А. В. Представительство интересов в парламенте: современные тенденции и проблемы // Сравнительное изучение парламентов и опыт парла-

ментаризма в России: выборы, голосование, репрезентативность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию принятия закона о выборах депутатов I Государственной думы. Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2005 г. / Под ред. Ю. Н. Солонина, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 318–321. (0,2 п. л.).

44. Павроз А. В. Проблема формирования эффективной городской политики и общественно-политическая модель правления // III Международный научный форум: Государственная власть и местное самоуправление в России. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. С. 83–89. (0,34 п. л.).
45. Павроз А. В. Проблемы взаимодействия бизнеса и государства в современной России // Актуальные проблемы экономики и новые технологии преподавания (Смирновские чтения): Материалы IX международной научно-практической конференции. (16–17 марта 2010 г., Санкт-Петербург). Т. 2. СПб.: Изд-во МБИ, 2010. С. 155–157. (0,17 п. л.).
46. Павроз А. В. Противоречия современной реформы федеративных отношений в России // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. Труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2008 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 113–118. (0,28 п. л.).
47. Павроз А. В. Редистрибутивный федерализм и динамика развития региональных политических режимов в России: тенденции 90-х гг. и современные реалии // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии № 2 (6). СПб., 2008 С. 111–115. (0,4 п. л.).
48. Павроз А. В. Российская бюрократия как группа интересов: лояльность versus эффективность // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). № 1 (5). СПб., 2008. С. 67–69. (0,21 п. л.).
49. Павроз А. В. Российская политика экономической модернизации в контексте глобальной конкуренции юрисдикций // Модернизация экономики: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции. 14–15 октября. Секции 1–6. СПб.: ЭФ СПбГУ, 2010. С. 125–126. (0,1 п. л.).
50. Павроз А. В. Современные концепции взаимодействия групп интересов и государства // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2007. № 1. С. 124–128. (0,55 п. л.).
51. Павроз А. В. Социальные интересы и формирование инновационной модели экономики // Проблемы формирования инновационной экономики: отечественный и зарубежный опыт: I Международная научно-практическая конференция. Москва 21 октября 2009 г.: Сборник научных трудов. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 22–28. (0,3 п. л.).
52. Павроз А. В. Теория политического плюрализма и задачи обучения представительству интересов в политологическом образовании современной России // Политическое образование в современном мире: традиции и перспективы.

Материалы Всероссийской научной конференции. СПб.: Факультет политологии СПбГУ, 2009. С. 194–200. (0,43 п. л.).

53. *Павроз А. В.* Технология e-government в контексте современных административных реформ // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург 8–11 ноября 2005 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 154–155. (0,16 п. л.).
54. *Павроз А. В.* Технология e-government и проблема интеграции молодых городских профессионалов (яппи) в политико-административный процесс современной России // Интернет и современное общество: Труды IX Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2006 г. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. С. 176–178. (0,2 п. л.).
55. *Павроз А. В.* Федеративные реформы начала XXI в. в России: ход реализации и противоречивость результатов // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений. Сборник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 187–195. (0,55 п. л.).
56. *Павроз А. В.* Электронное правительство и менеджмент качества // Интернет и современное общество: Труды XI Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 28-30 октября 2008 г. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 171–173. (0,25 п. л.).
57. *Павроз А. В.* Электронное правительство и расширение способностей государства // Интернет и современное общество: Труды X Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2007 г. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 233–235. (0,27 п. л.).